

ЛАВКА НЕВОЗМОЖНЫХ ЖЕЛАНИЙ

ПОЩЕЛУЙ ДЛЯ СТАРОГО ЗАКЛИНАНИЯ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Поцелуй для старого заклинания

«Автор»

2026

Северина А.

Поцелуй для старого заклинания / А. Северина — «Автор», 2026

В Сольвинске люди внезапно перестают слышать некоторые слова самых близких: признания исчезают, прежде чем их успевают произнести. Ася и Даниил вынуждены работать вместе, чтобы отменить старое заклинание, которое однажды казалось защитой от боли. Но настоящие чувства не требуют магической печати — только смелости слушать и говорить.

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Поцелуй для старого заклинания

Глава 1. Слова под стеклом

В мае Сольвинск пах молодыми листьями, свежее испечёнными булочками и нагретым камнем. На улице Медников рабочие снимали строительные леса с дома напротив лавки. Цветные пятна от витража лежали на полу так ярко, что Барс предпочитал спать прямо в них, переходя с одного на другое вслед за солнцем.

Ася Берестова только закончила оформлять заказ на реставрацию окна, когда в лавку вошла женщина с аккуратно подстриженными волосами и букетом белых нарциссов. Она не оглядывалась на полки с магическими предметами. Смотрела на колокольчик над дверью так, будто тот должен был объяснить, зачем она пришла.

— Мне сказали, у вас помогают с невозможными желаниями, — произнесла она.

— Иногда мы можем показать человеку возможность, которую он раньше не замечал, — ответила Ася. — Но для начала нужно узнать, чего вы хотите.

Женщина представилась Ириной Беляевой. Ей было тридцать шесть; работала в городской библиотеке, по выходным рисовала афиши для детских спектаклей. С мужем Сергеем жила двенадцать лет. Три недели назад они поссорились из-за переезда его матери: Сергей без обсуждения пригласил её пожить с ними на неопределённый срок. Ирина ушла к подруге, сняла маленькую комнату и с тех пор разговаривала с мужем только о платежах и вещах.

— Он пытается извиниться, — сказала Ирина. — Знаю, потому что вижу, как он пишет сообщения. Но ничего не слышу.

— Как это — не слышите?

— Слышу, когда спрашивает, где квитанции. Слышу, как просит забрать из шкафа зимние ботинки. Когда он говорит «Прости», будто кто-то закрывает окно. Губы двигаются, звука нет. На записи то же самое: он шевелит губами, а я слышу шум комнаты.

Ася не спешила раскрывать зелёную книгу. За последние месяцы она усвоила, что не всякая необычная жалоба требует магического вмешательства.

— Вы проверяли слух у врача?

— Да. Всё в порядке. Врач предположил стресс. Я бы согласилась, но вчера то же произошло у моей подруги. Сергей попросил её передать извинение, а она услышала только конец фразы: «...завтра заберу коробки».

Ирина достала телефон. На экране была фотография сообщения: «Мне жаль, что я принял решение за тебя. Хочу поговорить, если ты согласна». Она показала его Асе, затем нажала воспроизведение голосовой записи. В первый момент послышалось дыхание, потом шелест ветра и щелчок. Несколько слов о расписании переезда прозвучали ясно. Фраза с извинением действительно отсутствовала, хотя на экране двигалась волна звука.

Ася попросила разрешения записать номер файла и дату, но не стала копировать личную переписку. Ирина согласилась только на обезличенную проверку записи.

— А вы сами хотите услышать извинение? — спросила Ася.

Женщина замерла.

— Не знаю. Я злюсь на него. Но хочу иметь право самой решить, достаточно ли его слов. А сейчас даже этот выбор мне недоступен.

Именно этот ответ заставил Асю подвинуть к ней чистый лист. Она попросила описать желание без упоминания, каким должен стать Сергей после разговора. Ирина написала: «Хочу слышать слова, которые он произносит по своей воле, и иметь возможность ответить или не ответить».

Лавка не показала ей чудесного примирения. Витраж зажёгся мягким голубым светом, и на стекле проступила комната со столом, двумя стульями и открытым окном. Ирина сидела с одной стороны. Сергей — с другой. Между ними не было ни объятий, ни обещанного счастья. Лишь возможность разговора. Но вместо слов на стекле появлялись маленькие чёрные полоски, будто часть изображения заклеили бумагой.

— Раньше я такого не видела, — сказала Ася.

— Значит, вы не можете помочь?

— Пока не знаю. Но точно не стану продавать вам платное заклинание, которое обещает заставить мужа произнести нужное. Мы проверим причину потери звука, если вы согласны. Начнём с того, что можно наблюдать без вмешательства в ваши отношения.

Ирина кивнула. Заплатила установленную плату за консультацию, получила квитанцию и копию заявления. Перед уходом спросила, нельзя ли просто заказать, чтобы Сергей понял, насколько ей было обидно.

— Понять за другого человека нельзя, — ответила Ася. — Зато можно сказать ему, что именно случилось с вами. Если он согласится слушать.

Ирина невесело улыбнулась.

— Вы очень плохо продаёте чудеса.

— Зато хорошо умею возвращать деньги за неоказанную услугу.

Когда дверь закрылась, Барс спрыгнул с подоконника и понюхал лист, оставленный на прилавке. Ася убрала его в отдельную папку. Перед глазами всё ещё стояли чёрные полоски на витраже: они не были обычными бликами и не походили на след от поздней печати, найденной в кладовой.

* * *

Тася пришла из соседней цветочной мастерской с новыми горшками базилика. В последнее время она экспериментировала с выращиванием пряных трав, потому что повар небольшого кафе за углом уверял, что её базилик пахнет совсем иначе, чем купленный на рынке. Ася подозревала, что дело не только в зелени, но подруга пока делала вид, будто не замечает очевидного.

— Сегодня был посетитель? — спросила Тася, ставя горшок на окно.

— Женщина, которая не слышит извинений мужа.

— В переносном смысле?

— Буквально.

Тася серьёзно посмотрела на неё.

— Не смей говорить, что всему виной проклятие для семейных ссор. Я уже запаслась такими объяснениями от моей тётушки на несколько лет.

Ася рассказала о записи и полосках. Тася нахмурилась.

— Вчера у меня покупательница пыталась сказать подруге, что больше не хочет быть свидетельницей на свадьбе. Я слышала всю их беседу, кроме самого отказа. Подумала, что кто-то слишком громко включил музыку.

Они обменялись временем и местом. Выяснилось, что случай произошёл неподалёку от площади Рыбаков, где находилась Палата исполнений. Но пока это было совпадение, не основание обвинять город в новом вмешательстве.

— Позвони Глебу, — предложила Тася. — Он проверит, не повредили ли фильтры витража при ремонте.

— Глеб стеклодув, а не специалист по звуковой магии.

— Поэтому он и скажет честно, чего не знает.

Ася согласилась. Она давно научилась ценить такой ответ выше универсального обещания «всё исправлю».

Глеб приехал после полудня с лупой и несколькими образцами стекла. Осмотрел витраж, проверил крепления, измерил угол света.

— По стеклу всё хорошо, — сказал он. — Чёрные полосы не являются повреждением материала. Возможно, витраж показывает помеху в городской системе, но для этого нужны независимые записи: от клиентов, не проходивших через нашу лавку.

Он попросил не экспериментировать с магическими устройствами до получения технического разрешения. Ася не спорила.

В это время в дверь постучали. На пороге стоял пожилой мужчина в форменном жилете городского трамвайного управления. Он протянул конверт с жалобой.

— Мне сказали, что вы разбираетесь в странностях городских договоров. У нас сегодня машинист не смог объявить по громкой связи, что трамвай задерживается из-за ошибки диспетчера. Всё остальное говорил, а эти слова — нет. Пришлось написать на бумаге и показать людям.

— Его голос исчез?

— Только когда он называл причину задержки. Пассажиры решили, что он скрывает правду. Начали ругаться.

Мужчина показал записанный номер рейса и фамилию машиниста. Ася приняла заявление, не требуя личных данных пассажиров. Теперь у неё было три разных случая: семейное извинение, отказ подруги и публичное признание ошибки. Содержание различалось, но каждое высказывание могло вызвать неприятные последствия для того, кто его произносил.

— Похоже, кто-то очень не любит сложные разговоры, — сказала Тася.

— Или когда-то пытался их сделать безопаснее, — ответила Ася.

Она вспомнила, как Воронцов объяснял старый городской сбор: бюрократическая защита со временем становилась принуждением. Возможно, на этот раз система действительно начиналась с попытки уберечь людей от слов, о которых они пожалеют.

* * *

Вечером Ася пошла в библиотеку. Ирина предложила встретиться там, где можно спокойно показать ей распечатку нескольких сообщений без доступа к личному телефону. В читальном зале пахло старой бумагой и горячим воздухом отопления; из детского отдела доносились голоса детей, репетировавших спектакль.

Ирина принесла два листа. На одном была обычная переписка с Сергеем, которую она слышала, когда читала вслух. На другом — извинение. Когда Ирина пыталась прочесть последнее вслух, в комнате возникал короткий шорох, словно кто-то проводил пальцами по сухому стеклу. Женщина повторила попытку и остановилась, испуганная.

— Я даже собственным голосом не могу это сказать, — прошептала она.

Ася не просила повторять ещё раз. Зафиксировала факт и предложила закончить опыт. Библиотекарь, случайно ставшая свидетельницей, согласилась описать услышанное, не читая содержания личного письма.

— Это меняет моё желание, — сказала Ирина. — Я думала, что просто не готова принять извинение. А теперь хочу знать, кто может запрещать мне слышать и говорить определённые слова.

— Тогда будем искать механизм. Но ваши отношения с мужем всё равно останутся вашим выбором.

Ирина кивнула.

Когда Ася вышла на улицу, солнце опускалось за крыши порта. На площади у ратуши играли музыканты; в первых рядах стояли дети, танцевавшие под аккордеон. Ася слушала мелодию и думала о Миле Вельской, научившейся создавать музыку даже после частичной утраты слуха. Мила могла помочь отличить настоящую акустическую помеху от вырезанного фрагмента записи. Но просить её участвовать в обследовании семейных извинений только

потому, что она сестра Даниила, было бы несправедливо. Нужно объяснить задачу как специалисту и дать возможность отказаться.

Она написала сообщение: «Мила, есть необычная звуковая проблема в городе. Не прошу услуги из дружбы и не связываю это с Даниилом. Могу прислать обезличенное описание и оплатить профессиональную консультацию?»

Ответ пришёл через несколько минут: «Пришли. Сначала посмотрю, что именно можешь показать без чужих персональных данных. Если это реальная работа, обсудим срок».

Ася улыбнулась. За месяцы в Сольвинске у неё появилось много людей, с которыми можно было работать честно, не превращая близость в обязанность.

* * *

На следующий день Мила прислала предварительный вывод. В цифровой записи Сергея фрагмент с извинением не был удалён обычным способом: поток данных содержал сигнал, но он переставал воспроизводиться на выходе. На повторной копии, сделанной без городского аудиофильтра, амплитуда оставалась прежней, хотя слова всё равно исчезали при произнесении. Это требовало проверки оборудования и условий записи.

Мила предупредила: «Я не могу объяснить это нарушением слуха и не стану обещать, что магия тут виновата. Но совпадения по содержанию речи нетипичны. Нужен независимый контроль и согласие участников».

Ася передала материалы Надежде Ливановой. Инспекторка согласилась оформить запрос об устройстве городской системы речевого подтверждения, существование которой упоминалось в старых актах Палаты.

— Вы опять нашли проблему, которую наши архивы много лет считали закрытой, — сказала Надежда.

— Я ничего ещё не доказала.

— И поэтому с вами легче работать, чем с теми, кто приходит уже с готовым приговором.

Они договорились собрать публично разрешённые примеры из разных частей города. До установления причины ни одной записи не отправят в магический распределитель, чтобы случайно не запустить новый обязательный договор.

Вечером Ася вернулась в лавку и заметила, что на витраже появилась ещё одна тонкая чёрная полоса. В этот момент за окном молодой мужчина пытался сказать пожилой женщине что-то важное; губы двигались, но до лавки долетало лишь шуршание колёс тележки. Затем он произнёс «Завтра зайду» — и эти слова Ася услышала отчётливо.

Она не знала, что он собирался сказать раньше, и не имела права угадывать. Но уже понимала, что проблема не ограничивается личной жизнью Ирины.

Барс спрыгнул на прилавок и ударил лапой по пустой чашке. Звук прозвучал громко и ясно. Ася взяла кота на руки, посмотрела на разноцветное стекло и прошептала:

— Кто решил, какие слова можно слышать?

Никто не ответил. Лавка никогда не давала готовых решений, когда о человеке ещё не знали достаточно. Ася выключила свет, но оставила на столе папку с тремя заявлениями. На этот раз ей предстояло восстановить не чужие желания, а простую возможность произнести неприятную правду и получить право на ответ.

Глава 2. Город недосказанного

Утром Ирина Беляева прислала Асе сообщение из семи слов: «Сегодня снова слышала его, но не услышала». Через минуту пришло уточнение: «Не звоните ему. Пожалуйста». Ася положила телефон рядом с чашкой и не стала звонить. Человек, оказавшийся в центре чужого расследования, должен был хотя бы сам распоряжаться тем, кто узнает о его семейном разговоре.

По дороге в лавку Ася заметила, что Сольвинск звучит странно. На площади мальчишка громко просил у матери мороженое, автобус тормозил перед остановкой с резким скрежетом,

продавец газет перекрикивал ветер. Всё это слышалось отчётливо. Но когда женщина возле аптеки сказала пожилому мужчине что-то очень тихо, воздух между ними словно стал плотнее. Мужчина нахмурился, попросил повторить, и женщина вместо этого показала ему на аптечную вывеску.

Ася не знала, что произнесли. Она даже не имела права решить за незнакомцев, что произошло нечто опасное. Однако вспомнила тонкую чёрную полосу, появившуюся на витраже накануне, и достала блокнот.

Тася Рябинина уже ждала у соседней цветочной мастерской с двумя бумажными стаканами кофе.

— Ты сегодня похожа на человека, который всю ночь спорил с собственным стеклом, — сказала она.

— Я действительно спорила. Оно проигнорировало половину моих вопросов.

— Наглое стекло.

Ася рассказала только то, что Ирина разрешила обсуждать без имени: один человек различает бытовые слова близкого, но не слышит его признаний. Тася перестала улыбаться.

— На прошлой неделе моя помощница пыталась извиниться за испорченный заказ. Я видела, как она открывает рот, но услышала только «счёт переделаю». Решила, что она просто не хочет сказать «прости».

— Ты спросила её?

— Нет. Я обиделась и весь вечер молчала. А вчера она принесла письменное объяснение. Там было: «Прости, что скрыла от тебя ошибку». Я прочла и поняла, что слышала не весь разговор.

— Можно попросить у неё разрешение рассказать это Надежде?

Тася немного подумала.

— Можно предложить. Но я не стану приносить её историю тебе как вещественное доказательство без спроса.

Эта осторожность показалась Асе лучшим признаком того, что у её подруги тоже меняется привычка решать за людей ради их блага.

Они вошли в лавку. Барс спал на подоконнике, придавив хвостом рекламный листок о городском празднике. Ася развернула карту Сольвинска и отметила библиотеку, аптеку, площадь Рыбаков и цветочную мастерскую. Все места находились в старой части города, но этого было недостаточно: здесь же жили люди, которые чаще разговаривали друг с другом и чаще вступали в сложные отношения. Случайная группа точек ещё не доказывала волшебство.

— Надо выяснить, где слова пропадают, — сказала Ася.

— И какие именно, — добавила Тася. — Потому что если дело в твоей лавке, возможно, фильтр срабатывает только у тех, кто сюда ходит.

Ася записала оба предположения и оставила между ними пустую строку.

* * *

В муниципальном архиве Надежда, специалистка по старым магическим разрешениям, встретила Асю у лестницы. После истории с янтарным ключом она согласилась помогать лавке только с открытыми документами и с той частью внутренней переписки Палаты, которую учреждение официально выдавало гражданам. Так было медленнее, зато никто не мог в очередной раз обвинить Асю в попытке вскрыть чужое хранилище.

— У нас три заявления о дефекте городской связи, — сказала Надежда. — Ни одно не связано с телефонными линиями. Люди жалуются, что не слышат определённые слова на расстоянии вытянутой руки.

— И никто не заметил сходства?

— Заметили. Один чиновник предложил провести обследование слуха всем заявителям. Если бы не письменные сообщения, мы, наверное, так бы и сделали.

Надежда показала заявления без личных подробностей. В одном случае мать слышала все ответы взрослого сына, кроме слов о том, что он хочет переехать. В другом сотрудник не смог разобрать признание коллеги об испорченном отчёте, хотя сидел рядом. В третьем женщина на собрании жильцов не слышала фразу о нежелании участвовать в ремонте, но прекрасно различала суммы взносов. Во всех делах граждане подтверждали: собственное имя, обычные фразы и громкие звуки не исчезали.

— Как будто из разговора вырезают то, что способно изменить чужое решение, — сказала Ася.

Надежда закрыла папку.

— Это одна из гипотез. Но я бы пока не называла её причиной.

Она достала старый городской реестр акустических установок. В Сольвинске когда-то работали «слуховые павильоны» — маленькие медные приборы, усиливавшие сообщения об опасности на узких улицах. Позже их модернизировали для подавления паники во время штормов. Тогда же в документах появился термин «предохранительный словесный порог».

— После большого пожара у ратуши толпа неправильно поняла чей-то крик, — объяснила Надежда. — Люди побежали в закрытый проход. По отчёту, погибли трое. Палата заказала систему, которая должна была задерживать опасные призывы до подтверждения дежурным.

— Опасные призывы — это «бегите, мост рушится»?

— По первоначальному списку — да.

Ася листала изменения. Сначала запрещались только сообщения, способные вызвать массовую давку. Потом добавили «высказывания с высоким риском эмоциональной дестабилизации». Ещё позже — «признания, меняющие распределение обязательств в семьях и трудовых союзах». Подробного определения не было.

— Кто решал, какое признание опасно?

— Комиссия Палаты, — сказала Надежда. — И, судя по последнему приложению, сама установка, если решит, что согласования нет.

На полях стояла дата внесения поправки. Ася узнала год, когда семья Даниила Вельского впервые оказалась связана с городским сбором желаний. Она не стала делать из совпадения обвинение. Но записала номер постановления и попросила копию.

Надежда повернула книгу к свету.

— Посмотри на знак производителя.

Внизу страницы была печать в виде восьми лепестков, из которых один заштриховали чёрным. Ася достала фотографию витража лавки. Секторы совпадали по расположению, но у витража заштрихованная часть была вырезана вручную.

— Возможно, обе системы делали в одной мастерской, — сказала Надежда. — Нужно проверить документы. Не трогай оборудование на улице до этого.

— Я не собиралась.

— Ты произнесла это слишком быстро.

Ася улыбнулась и попросила контакты независимого специалиста по звуку. Надежда назвала Мила Вельская, не сразу вспомнив, что та приходится сестрой Даниилу. Ася почувствовала, как привычное напряжение возвращается. После ссоры из-за скрытой им семейной записи они не общались почти месяц; несколько служебных сообщений не превращали молчание в примирение.

— Она знает об этой части Палаты? — спросила Ася.

— Она когда-то исследовала старые акустические фильтры. Не уверена, захочет ли участвовать. И это её право.

Ася записала номер, но не позвонила сразу.

* * *

В обед в лавку пришла Ирина. На этот раз без цветов, зато с маленькой записной книжкой в твёрдом переплёте. Она попросила заварить чай, потом долго сидела перед чашкой, не прикасаясь к ней.

— Сергей написал, что готов встретиться в библиотеке, — сказала она. — Без его матери и без посредников. Я хочу пойти, но боюсь снова ничего не услышать.

— Может быть, перенести разговор в другое место? — предложила Ася.

— Мы уже пробовали. Вчера у подруги он сказал мне что-то важное. Я видела, как двигаются губы. Слышала интонацию. Потом спросила: «Что ты сказал?» Он побледнел и ответил: «Не важно». А для меня было важно.

Ася спросила, разрешит ли Ирина использовать обезличенную запись собственного опыта при проверке. Та согласилась, но настояла: к мужу нельзя обращаться без его разрешения. Она сама решит, когда попросить его участвовать.

— Я всё время думаю, что дело в нас, — сказала Ирина. — Может, он не умеет просить прощения. Может, я уже не хочу слышать. Если это чужое заклинание, становится легче. Но тогда страшнее: сколько наших ссор было нашими?

Ася не сказала, что заклинание освобождает их от ответственности.

— Даже если звук исчезал, ваши решения оставались вашими. И обида настоящая. Мы можем проверить, что именно вы не слышали, но не имеем права решить, что вам после этого чувствовать.

Ирина кивнула. Ей явно хотелось другого ответа — что всё исправится одним движением руки, стоит выключить плохой механизм. Однако она допила чай и попросила список мест, где можно безопасно встретиться с Сергеем. Ася предложила три обычных помещения, не связанных с лавкой, и честно сказала, что пока не знает, есть ли где-нибудь в городе полная тишина от магического фильтра.

Ирина выбрала небольшой кабинет у семейного консультанта. Ей нравилось, что там никто не должен был изображать из себя победителя.

* * *

После закрытия Ася вышла с Тасей к старой колонке у площади. Медный раструб висел высоко над мостовой, словно забытый граммофон. Раньше через него объявляли о штормовых предупреждениях. Теперь колонка молчала, но у основания оставалась стеклянная табличка с номером обслуживания.

Ася попросила Тасю прочитать обычную фразу.

— Сегодня четверг, — сказала подруга.

Ася слышала каждое слово.

— А теперь что-нибудь, за что тебе по-настоящему неловко. Только если хочешь.

Тася некоторое время смотрела на колонку.

— Я вчера сказала Ане, что она может взять выходной. На самом деле надеялась, что она останется. Мне было стыдно прямо попросить.

Ася услышала фразу полностью. Ни один звук не исчез.

— Значит, фильтр не на каждое признание, — сказала она.

— Или он не считает моё признание опасным.

Они попробовали ещё несколько нейтральных предложений, затем остановились. Слишком легко было начать придумывать всё более болезненные признания ради опыта. Ася не собиралась превращать чувства подруги в лабораторный материал.

Когда они возвращались, мимо прошёл молодой почтальон. Он разговаривал по телефону: «Я понимаю, что подвёл тебя. Завтра всё исправлю». В последней части фразы Ася не разобрала два слога. Может быть, из-за ветра. Может быть, из-за проходящего грузовика. Она сделала отметку, но без вывода.

В лавке Глеб Морозов уже исследовал копии чертежей акустических установок. Стеклодув раньше работал с похожими резонаторами — прозрачными сосудами, которые удерживали определённые частоты для городских праздничных часов.

— Эти приборы рассчитаны не на весь голос, — сказал он. — Они получают сигнал от городской сети и вмешиваются только тогда, когда рядом есть установленная метка. Таких точек раньше было двенадцать.

— Все в старом городе?

— Нет. Четыре у площади, по одной возле вокзала, школы и библиотеки, остальные у портовых зданий. Но позднее их могли перенести.

Он показал маленькую трещину на образце стекла, принесённом из своей мастерской. Через неё свет делился надвое. Если смотреть под прямым углом, казалось, что внутри сосуда две разные надписи, хотя обе были частью одного отражения.

— Витраж Аглаи мог использовать тот же принцип, — сказал Глеб. — Только она вывела вторую метку наружу, чтобы было видно, где что-то скрывают.

Ася подошла к окну. При свете вечерней лампы один сектор действительно показывал тонкую тёмную полосу, которая не совпадала ни с одной настоящей свинцовой перемычкой. Она не стала пытаться вытянуть её из стекла. Сделала снимок и записала угол освещения.

Наутро предстояло узнать, почему город продолжает применять устройство, созданное для предотвращения давки, к словам людей, которые просто хотят признаться друг другу в ошибке. И ещё — как поговорить об этом с Даниилом, не превратив его семейную вину в единственное объяснение чужого бедствия.

Ася выключила лампу. На улице было слышно, как кто-то смеётся, спорит о цене рыбы и зовёт ребёнка домой. Никакой фильтр не мог сделать город полностью молчаливым. Но достаточно было скрыть одно слово в нужный момент, чтобы две жизни пошли по разным дорогам.

Глава 3. Даниил возвращается

В понедельник Даниил пришёл в лавку без зонта. Ася заметила это прежде, чем рассмотрела его лицо, — привычная нелепость, потому что на улице было сухо. На нём было простое синее пальто, не служебное; в руке он держал бумажную папку, а не планшет Палаты. Он остановился на пороге, дожидаясь приглашения.

— Я звонил заранее, — сказал он. — Тася передала, что ты согласна встретиться по делу акустических установок.

— По делу, — уточнила Ася.

Он кивнул, как будто другого ответа не ожидал.

За витражом медленно просыпался квартал. Глеб постукивал молотком в своей мастерской; из цветочной лавки Таси доносились голоса покупателей; где-то на Медников завели маленький грузовик, который не желал заводиться с первого раза. Барс вышел навстречу гостю, обнюхал его ботинки и пошёл прочь с таким видом, будто решение о допуске уже принято.

— Ты свободен от работы? — спросила Ася.

— До двух. Я взял утро за свой счёт. Не хочу, чтобы ты думала, будто служебная проверка даёт мне повод приходить, когда захочу.

Она спрятала улыбку. За месяц он научился говорить о границах так старательно, что иногда это звучало как инструкция по обращению с редкой посудой. Но Ася знала: именно этого и просила в конце прошлой истории. Теперь было бы несправедливо обвинять его в том, что он всерьёз услышал её слова.

Она указала на свободный стул.

— Я узнала, что старая городская система подавления опасных криков со временем начала затрагивать личные признания. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Даниил открыл папку. В ней лежали копии технических актов, оформленных без сведений о гражданах.

— Знаю больше, чем тебе хотелось бы, — сказал он. — И поэтому сначала объясню, что сделал, прежде чем ты решишь, работать ли со мной.

Ася села напротив.

— Слушаю.

— Четыре года назад, когда проверяли семейный договор Вельских, я получил доступ к архиву акустических установок. Там уже стояла пометка о спорной категории «эмоционально опасных признаний». Я заметил, что в списке есть фразы, которые нельзя считать угрозой общественной безопасности. Подал запрос. Мне ответили, что фильтр действует только во время массовых событий, а частные разговоры не затрагивает.

— И ты поверил?

— Нет. Но не проверил. Тогда я был занят делом Милы. Мне казалось, что если начну ещё одно расследование, потеряю доступ к нужным документам. Я подписал протокол без замечаний к акустической части. Это была ошибка.

Ася не сразу ответила. Его признание касалось не того акта, из-за которого они разошлись весной. Но поразительно напоминало его: снова он увидел недостающую часть документа, снова решил, что можно отложить её проверку ради важного дела.

— Зачем ты говоришь мне сейчас? — спросила она.

— Потому что в наших отношениях всё испортилось именно после того, как я скрыл свой выбор. Не хочу повторять. Если ты не желаешь работать со мной, я передам материалы независимой комиссии. Ты ничего не потеряешь.

Она смотрела на папку. Сказать «уйди» было бы просто; сказать «оставайся» — тоже. Труднее оказалось отделить профессиональную пользу от собственного желания видеть его рядом.

— Я хочу копии, — сказала Ася. — И имя эксперта, который может проверить эти сведения без тебя. После этого решу.

Даниил достал подготовленный конверт.

— Здесь и то и другое.

Она не смогла удержаться от короткого смеха.

— Ты приехал, зная, что я так отвечу?

— Я надеялся, что ты позволишь мне хотя бы объяснить. Остальное подготовил на случай, если нет.

В его голосе не было требования благодарности. От этого Асе стало ещё труднее сохранять спокойствие.

* * *

Они работали в общей комнате, где было достаточно света для чертежей. Глеб пришёл с техническими схемами старого резонатора. Он сразу сообщил, что не намерен включать ни один прибор без разрешения городских служб.

— А я собирался попросить именно об этом, — сказал Даниил.

— Тогда у нас редкий день, когда инспектор и мастер не спорят, — заметила Ася.

— Не сглазь, — ответил Глеб.

Схема выглядела простой: на двенадцати городских колонках были установлены стеклянные вставки с мелкими латунными насечками. Система получала сигналы о характере высказывания от центрального устройства Палаты. Если программа считала содержание «опасным», вставка гасила часть звуковой волны на определённом участке улицы. Не весь голос — только короткую последовательность.

— Обычным устройством так не сделать, — сказала Ася.

— Обычная часть передаёт сигнал, — ответил Глеб. — Остальное делает заклинание, закреплённое в стекле. Раньше оно подавляло несколько заранее заданных предупреждений. Но позднее добавили возможность менять список без физической замены вставки.

— Кто имел право менять? — спросил Даниил.

Глеб положил палец на схему.

— Центральный хранитель перечня. Только его должность не указана. На чертеже написано «уполномоченное лицо Палаты».

— Значит, распоряжение мог подписывать почти кто угодно, — заметила Ася.

— Не совсем. В старом регламенте нужен был независимый свидетель изменения. После реформы такую подпись заменили протоколом комиссии, — сказал Даниил. — А я тогда проверял как раз эту комиссию.

Ася подняла на него глаза.

— Ты опять был рядом.

— Да.

Он произнёс это без попытки объяснить близость случая судьбой. Они оба знали, что Палата много лет устраивала жизнь города по одним и тем же правилам. В ней было трудно не оказаться рядом с несколькими несправедливостями одновременно.

Глеб достал кусок цветного стекла и закрепил в маленькой раме. Затем поставил рядом обычную металлическую пластину. Постучал по ней карандашом; звук был негромким, чистым. Когда мастер повернул стекло, тон изменился.

— Здесь нет городского заклинания, — предупредил он. — Только физический резонанс. Если магическая вставка так же выбирает узкую частоту, она может сделать определённые слоги неслышными, не заставляя человека замолчать.

— А если слова произнести письменно? — спросила Ася.

— Моя гипотеза: фильтр не тронет бумагу. Но нужен опыт с согласия участника.

Даниил передал им список специалистов, имеющих допуск к лаборатории звуковых приборов. Среди них была Мила Вельская.

Ася задержала палец на имени.

— Она знает, что ты пришёл ко мне?

— Нет. Я не хотел говорить за тебя. И не хочу использовать сестру, чтобы мы снова начали общаться.

— Но ты знаешь, что без неё будет труднее?

— Знаю. Она сама решит, хочет ли помочь. Я уже написал ей, что дело открыто для независимых специалистов; не просил отвечать.

Ася кивнула. Подобная осторожность не исправляла прошлое, но выглядела осмыслённым началом.

* * *

В полдень пришла Тася с цветами, которые случайно принесли не по тому адресу. Она поставила букет в банку из-под персикового варенья и окинула взглядом комнату.

— Значит, у нас собрание людей, которые думают, что карту города можно вылечить линейкой, — сказала она.

— Мы скорее пытаемся понять, куда нельзя наступать, — ответил Глеб.

Тася хотела уйти, но Ася спросила, согласилась ли помощница Аня дать показания. Оказалось, да. Аня пришла после обеда и рассказала историю испорченного заказа. Она просила сохранить её имя в закрытой части дела, потому что не хотела, чтобы покупатели обсуждали семейную ссору, которую это напомнило.

— Когда я сказала Тасе, что ошиблась, было слышно всё, — объяснила она. — А когда произнесла «прости, я испугалась сказать правду», она услышала только «... сказать правду». Я решила, что она специально не принимает извинение.

Тася сидела рядом.

— А я думала, ты извиняться вообще не хочешь.

Аня показала сообщение, отправленное тем же вечером. Оно не дошло до адресата вовремя из-за разряженного телефона; уже на следующий день они разговаривали лучше. Эта бытовая задержка сама по себе могла объяснить часть обиды, и Ася записала её отдельно.

— Ты должна знать, что я всё равно была неправа, — сказала Тася. — Даже если бы заклинания не существовало, стоило спросить, почему ты расстроена, а не ждать, пока угадаешь мои мысли.

Аня улыбнулась.

— А мне стоило сразу объяснить заказ, а не надеяться, что цветы всё скажут.

Даниил слушал молча. Потом попросил разрешения включить в обезличенную запись не только исчезнувшую фразу, но и обстоятельства с телефоном. Аня согласилась. Она не хотела становиться удобным примером, который доказывает магическую теорию лучше, чем это было в действительности.

После ухода девушек Ася долго молчала.

— Забавно, — сказала она. — У нас есть реальный фильтр, который заставляет не слышать часть слов. Но даже если его выключить, люди всё равно смогут не услышать друг друга.

— Да, — ответил Даниил. — Я слышал твой вопрос о семейном акте ещё в феврале. Просто не захотел отвечать вовремя.

Она посмотрела на него.

— Ты слышал. И выбрал промолчать.

— Выбрал. Без заклинания.

Это было болезненнее любой магической отговорки. Но Ася вдруг поняла, что после такого ответа доверие может однажды вернуться. Сначала нужно позволить вине оставаться виной.

* * *

После обеда Даниил собирался уходить. Ася помогала убрать документы со стола. Он взял копию схемы, осторожно сложил пополам, затем остановился.

— У меня к тебе вопрос, не связанный с проверкой.

Она напряглась.

— Если не хочешь, не отвечай, — сказал он. — В прошлый раз ты просила не приезжать без причины. Сейчас причина есть. Но я не знаю, можем ли мы когда-нибудь разговаривать вне неё. Не сегодня и не завтра. Просто хочу понять, есть ли у меня право предложить.

Ася опустила взгляд на стол. От него пахло кофе и мокрым картоном; на пальцах была знакомая чернильная отметка, потому что он всегда прижимал ручку слишком сильно.

— Ты можешь предложить, — сказала она. — Но это не означает, что я соглашусь. И если я не соглашусь, не надо превращать наш рабочий разговор в наказание за отказ.

— Не стану.

— И не пытайся через Милу узнавать, что я думаю.

Он даже немного обиделся — она увидела это по мгновенно поднятым бровям, — но тут же признал, что просьба справедлива.

— Не буду.

Она проводила его до двери. Барс вновь вышел на порог, протёрся о ботинок гостя и вернулся внутрь.

— Кажется, он меня простил, — сказал Даниил.

— Барсу ты никогда не обещал присылать документы в срок.

— Это единственная причина?

— У него ещё есть своя система оценки людей. Но он мне не рассказывает.

Они оба улыбнулись. Потом Даниил вышел на Медников. Ася наблюдала, как он остановился у цветочной мастерской, пропустил покупательницу с тяжёлой корзиной и направился

к площади Рыбаков. Она не побежала следом. Впервые за долгое время расставание не выглядело окончательным или вынужденным.

* * *

Вечером в лавку пришло письмо на плотной бумаге без печати Палаты. Отправителем была Мила Вельская.

«Я получила извещение об обследовании акустических установок. Готова помочь при условии, что мой слух не станут называть повреждённым доказательством чужой вины. При встрече нужен письменный план эксперимента, возможность остановить его и право не обсуждать медицинские сведения. Если согласны, завтра в одиннадцать я буду в городской лаборатории. Мила».

Ася прочла письмо дважды. После истории с янтарным ключом она знала: Даниил много лет пытался компенсировать потерю слуха сестры, но нередко действовал так, будто главное — исправить её жизнь по собственному плану. Возможно, именно поэтому Мила выбрала обращаться не через брата.

Ася ответила кратко, без обещаний исцеления и без героических формулировок: «Принимаю условия. Подготовлю вопросы и список доступных источников. Спасибо, что готовы участвовать».

Потом села за стол, где ещё лежала схема городской сети. Она заметила маленькую деталь у обозначения ратуши: одну из установок питал не сам центральный счёт, а отдельно подписанный резервный источник. По регламенту он должен был действовать при авариях, но отметка о его отключении отсутствовала.

Ася позвонила Глебу и попросила проверить техническую опись ратуши. Не трогать устройство, не менять настройки; только установить, продолжает ли резервная линия работать. Он пообещал встретиться с инженером наутро.

На столе стояла банка с цветами, принесёнными по ошибке. Тася хотела забрать их, но потом сказала: пусть останутся, если никто не предъявит право на букет. Ася решила, что цветы тоже могут быть примером выбора без магии: что-то не попало по назначению, но от этого не обязано стать чьим-то долгом.

Она закрыла лавку позднее обычного. Перед уходом зашла к витражу и дотронулась до прохладной свинцовой перемычки. Пятна света уже исчезли; в стекле отражалась только её собственная усталая фигура. Никаких двойников, предсказанных любовей, неизбежных поцелуев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.